

Содержание

ОГОНЬ (ДНЕВНИК ВЗВОДА)

Предисловие	7
I. Видение	13
II. В земле	16
III. Смена	59
IV. Вольпат и Фуйяд	63
V. Стоянка	71
VI. Привычки	96
VII. Погрузка	101
VIII. Отпуск	110
IX. Великий гнев	118
X. Арговаль	138
XI. Собака	140
XII. Портик	154
XIII. Грубые слова	176
XIV. Солдатский скарб	177
XV. Яйцо	195
XVI. Идиллия	197
XVII. Подкоп	201
XVIII. Спички	205
XIX. Бомбардировка	210
XX. Огонь	227
XXI. Перевязочный пункт	282
XXII. Прогулка	300
XXIII. Работа	308
XXIV. Заря	327

ЯСНОСТЬ

I. Я.	355
II. Мы.	369
III. Вечер и рассвет.	385
IV. Мари	394
V. Дни	404
VI. Голос из сумерек	410
VII. Выводы	416
VIII. Глашатай	426
IX. Гроза	438
X. Стены	448
XI. На краю света	453
XII. Тени	476
XIII. Куда идешь ты?	493
XIV. Развалины	510
XV. Явление	516
XVI. De profundis clamavi	522
XVII. Утро	549
XVIII. Глаза	559
XIX. Призраки	566
XX. Культ	573
XXI. Нет!	601
XXII. Ясность	608
XXIII. Лицом к лицу	625

ОГОНЬ

Предисловие*

Вэтой книге, простой и беспощадно правдивой, рассказано о том, как люди разных наций, но одинаково разумные, истребляют друг друга, разрушают вековые плоды своего каторжного и великолепного труда, превращая в кучи мусора храмы, дворцы, дома, уничтожая дотла города, деревни, виноградники, как они испортили сотни тысяч десятин земли, прекрасно возделанной их предками и ныне надолго засоренной осколками железа и отравленной гнилым мясом безвинно убитых людей.

Занимаясь этой безумной работой самоистребления и уничтожения культуры, они, люди, способные разумно рассуждать обо всем, что раздражает их кожу и нервы, волнует их сердца и умы, молятся богу, молятся искренне и, как описывает это один из героев книги, молятся «идиотски одинаково», после чего снова начинают дикую работу самоубийства, так же «идиотски одинаково». На странице 251 читатель найдет эту картину богослужения немцев и французов, одинаково искренне верующих, что в кровавом и подлом деле войны «с нами бог».

И они же затем говорят: «Богу — наплевать на нас!» И они же, герои, великомученики, братоубийцы, спрашивают друг друга:

* Печатается по тексту: М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24. М., 1953. В тексте М. Горького указание на страницы дано по книге: А. Барбюс. В огне. М., 1935, перевод И. Е. Спивака. Текст А. Барбюса цитируется М. Горьким в том же переводе.

«— Но все-таки как же он смеет, этот Бог, позволять всем людям одинаково думать, что он — с ними, а не с другими?»

Мысля трогательно, просто, как дети, — в общем же «идиотски одинаково», — эти люди, проливая кровь друг друга, говорят:

«— Если бы существовал Бог, добрый и милосердный, — холода не было бы!»

Но, рассуждая так ясно, эти великие страстотерпцы снова идут убивать друг друга.

Зачем?

Почему?

Они и это знают, — они сами говорят о себе:

«— Ах, все мы не плохие люди, но — такие жалкие и несчастные. И при этом мы глупы, слишком глупы!»

И, сознавая это, они продолжают позорное, преступное дело разрушения.

Капрал Бертран знает больше других, он говорит языком мудреца.

«— Будущее! — воскликнул он вдруг тоном пророка. — Какими глазами станут смотреть на нас те, которые будут жить после нас и душа которых будет наконец приведена в равновесие прогрессом, неотвратимым, как рок? Какими глазами они посмотрят на эти убийства и на наши подвиги, о которых даже мы сами, совершающие их, не знаем, следует ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнелия или же с подвигами апашей?.. И, однако, смотри! Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который вечно будет сверкать красотой и мужеством!

Опершись на палку, склонившись к нему, я слушал, впивая в себя эти слова, раздавшиеся в безмолвии ночи из этих почти всегда безмолвных уст. Ясным голосом он выкрикнул:

— Либкнехт!

И поднялся, не разжимая скрещенных рук. Его прекрасное лицо, хранившее серьезность выражения статуи, склонилось на грудь. Но вскоре он снова поднял голову и повторил:

— Будущее! Будущее! Дело будущего — загладить это настоящее, стереть его из памяти людей как нечто отвратительное и позорное. И, однако, это настоящее необходимо, необходимо! Позор военной славе, позор армиям, позор ремеслу солдата, превращающему людей поочередно то в безмозглые жертвы, то в подлых палачей! Да, позор! Это правда, но это — слишком правда; правда для вечности, но еще не для нас. Это будет правдой, когда ее начертают среди других истин, постичь которые мы сумеем лишь позже, когда очистится дух наш. Мы еще далеки от этого. Теперь, в данный момент, это правда почти заблуждение; это священное слово только богохульство!

Он как-то особенно звучно рассмеялся и задумчиво продолжал:

— Как-то раз я сказал им, что верю в пророчества, только для того, чтобы приободрить их и заставить идти вперед».

Но, говоря так, спокойный, мужественный человек, уважаемый всеми людьми своего взвода, ведет их на бессмысленную бойню и умирает на грязном поле, среди гниющих трупов.

Во всем этом ярко и насмешливо горит убийственное противоречие, унижающее человека до степени безвольного инструмента, до какой-то отвратительной машины, созданной злой и темной силой на служение ее дьявольским целям.

И близки и милы душе эти несчастные герои, но, поистине, они кажутся прокаженными, носящими в себе самих навеки непримиримое противоречие разума и воли. Кажется, что разум их уже настолько окреп и силен, что в состоянии остановить эту отвратительную бойню, прекратить мировое преступление, но... воли нет у них, и, понимая всю гадость убийства, отрицая его в душе, они все-таки идут убивать, разрушать и умирать в крови и грязи.

«— Битвы производятся нашими руками, — говорят они. — Мы служим материалом для войны. Она состоит вся только из плоти и душ простых солдат. Это мы нагромождаем трупы на равнинах и наполняем реки кровью, все мы, хотя каждый из нас невидим и молчалив, ибо слишком

велико наше число. Опустевшие города, разоренные села и деревни — это пустыни, лишившиеся нас или оставшиеся после нас. Да, все это мы — и только мы!

— Да, это правда. Война — это народы. Без них не было бы ничего, кроме разве перебранки издалека. Но войну решают не они, а те, которые правят.

— Народы борются теперь, чтобы избавиться от этих правителей. Эта война не что иное, как продолжающаяся Французская революция.

— В таком случае выходит, что мы работаем также и для пруссаков?

— Будем надеяться, что и для них, — согласился один из страдальцев.

— Народы — это ничто, а они должны быть всем, — проговорил в этот момент человек, вопрошающе глядевший на меня; он повторил неведомую для него историческую фразу, которой уже больше века, но придал ей наконец ее великий всемирный смысл.

И этот несчастный, стоя на четвереньках в грязи, поднял свое лицо прокаженного и жадно заглянул вперед, в бесконечность».

Что он увидит там?

Мы верим, что он увидит своих потомков свободными, разумными и сильными волей.

Эту страшную и радостную книгу написал Анри Барбюс, человек, лично переживший весь ужас войны, все ее безумие. Это не парадная книга гениального Льва Толстого, гений которого созерцал войну в далеком прошлом; это не жалобное сочинение Берты Зутнер «Долой войну!», — сочинение, написанное с добрым намерением, но неспособное никого и ни в чем ни убедить, ни разубедить.

Это — книга простая, исполненная пророческого гнева, это — первая книга, которая говорит о войне просто, сухо, спокойно и с необоримою силою правды. В ней нет изображений, романтизирующих войну, раскрашивающих ее грязно-кровавый ужас во все цвета радуги.

Барбюс написал будни войны, он изобразил войну как работу, тяжелую и грязную работу взаимного истребления ни в чем не повинных людей, — не повинных ни в чем, кроме глупости. В его книге нет поэтически и героически раскрашенных картинок сражений, нет описаний мужества отдельных солдат, — книга Барбюса насыщена суровой поэзией правды, она изображает мужество народа, мужество сотен тысяч и миллионов людей, обреченных на смерть и уничтожение великим провокатором народов — капиталом. Этот Дьявол, совершенно реальный, неутомимо действующий среди нас, — это он главный герой книги Барбюса. Слепив миллионы простаков ложным блеском идей и учений, убивающих волю, отравив их ядом жадности, зависти, своекорыстия, он согнал миллионы их на плодородные поля Франции, и там они в течение четырех лет разрушают в прах все созданное трудом многих столетий, еще раз показывая самим себе, что злейший враг человека — его безволие и неразумие.

Барбюс глубже, чем кто-либо до него, заглянул в сущность войны и показал людям бездну их заблуждения.

Каждая страница его книги — удар железного молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, жестокости, грязи и крови, которые в общем зовутся войной. Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания, — и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала. Люди, о которых говорит Барбюс, уже начинают смело отрицать власть бога над человеком, и это верный признак, что скоро они почувствуют, со стыдом и гневом, как преступна и отвратительна власть человека над подобным себе.

Мы живем в трагические дни, нам невыносимо тяжело, но мы живем накануне возрождения всех добрых сил человека к свободному творчеству и труду. Это — правда, и она должна утешить нас, увеличить наши силы, придать нам бодрость.

Предшествующее было написано за 15 лет до наших дней, в трагический год голода, в год конца победоносной войны голодных пролетариев, рабочих и крестьян, против богато вооруженных капиталистами Европы армий русских фабрикантов и помещиков и против посланных европейскими лавочниками — в помощь своим братьям по жиру и духу — войск, среди которых был даже отряд кавалерии на ослах.

За полтора десятка лет пролетариат царской России и ее колоний непрерывным, чудотворным трудом превратил обширную безграмотную страну полунищих крестьян и полудикой жадной мелкой буржуазии — в мощный социалистический братский союз народов.

Ныне капиталисты Европы снова затевают войну, основная цель которой нападение на Союз Социалистических Советов. Для того чтоб начать эту войну, капиталистам необходимо единство. Наиболее наглая и очумевшая группа их предполагает достичь единства по примеру Наполеона: побить своих соседей и, схватив побежденных за шиворот, двинуть их против государства социалистического. План простой и ясный, этот план и заставил меня вспомнить об ослах.

Позорнейшая роль ослов в бойне 1914—18 годов характеризуется, как известно, поведением вождей немецкой социал-демократии, русских меньшевиков, эсеров и многих прочих вождей той мелкой буржуазии, из которой капиталисты 15 лет фабрикуют фашистов.

Мне кажется, что социалистически-революционная ценность работы Барбюса и других — сродных ему по духу — литераторов особенно хорошо и ясно видна именно с этой выше намеченной точки зрения. Его книга — одна из первых, которые за 15 лет отрезвили многие тысячи голов, опьяненных кровью, и антифашистское движение, все более широко растущее в наши дни, должно признать Барбюса одним из первейших своих основоположников.

М. Горький
11 сентября 1935 года

*Памяти товарищей,
павших рядом со мной под Круи
и на высоте 119*

А. Б.

I

Видение

Лицом к вершинам Дан-дю-Миди, Эгюий-Верт и Монблана, на галерее санатория, в ряд лежат люди; из-под одеял виднеются исхудалые бескровные лица; глаза лихорадочно блестят.

Эта застекленная терраса дворца-госпиталя одиноко возвышается над миром.

Красные, зеленые, коричневые, белые одеяла из тонкой шерсти не шевелятся. На шезлонгах царит молчание. Кто-то кашлянул. Изредка слышится только шелест мерно переворачиваемых страниц книги или вопрос и ответ осторожно перешептывающихся соседей, или иногда на балюстраде хлопает крыльями дерзкая ворона, которая отбилась от стай, рассыпающихся бусами черного жемчуга в прозрачном небе.

Молчание здесь — закон. К тому же, эти богатые, независимые люди, съехавшиеся сюда со всех концов света, пораженные одним и тем же недугом, отвыкли говорить. Они ушли в себя и думают только о своей жизни и смерти.

На галерее появляется служанка; она вся в белом и двигается бесшумно. Она раздает газеты.

— Кончено! — говорит тот, кто первый развернул газету. — Война объявлена!

Хотя все давно готовы к этому известию, оно потрясает: ведь все чувствуют его безмерное значение.

Эти умные, образованные люди, умудренные страданием и раздумьем, отрешенные от жизни, далекие от других людей, словно уже принадлежа будущему, глядят вдаль, в непонятную страну живых и сумасшедших.

— Это преступление со стороны Австрии! — говорит австриец.

— Или Англии, — говорит англичанин.

— Надеюсь, что Германия будет побеждена, — говорит немец.

* * *

Они опять ложатся под одеяла, лицом к вершинам и небу. Но, несмотря на чистоту воздуха, тишина полна принесенной вестью.

Война!

Некоторые нарушают молчание и вполголоса повторяют это слово, размышляя о том, что наступает величайшее событие нашего времени, а может быть, и всех времен.

Эта весть вызывает в сияющей природе какой-то смутный сумрачный мираж.

Среди спокойных просторов долины, украшенной розовеющими деревьями и бархатистыми пастбищами, среди великолепных гор, под черными зубцами елей и белыми зубцами вечных снегов возникает движение толп.

Везде кишат полчища. По полям, волна за волной, они несутся в атаку и застывают; дома выпотрошены, как люди, и города — как дома; деревни предстают раздробленной белизной, словно упав с неба на землю; страшные груды мертвецов и раненых меняют вид равнин.

Каждый народ, пожираемый со всех сторон резней, беспрестанно вырывает из своих недр все новых солдат, полных сил и крови; в реку смерти вливаются живые притоки.

На севере, на юге, на западе, повсюду идут бои. Куда ни повернешься, — везде война.

Кто-то из этих бледных провидцев приподнимается на локте, называет и подсчитывает сегодняшних и гря-

дущих участников войны: тридцать миллионов солдат. Другой, ошеломленный зрелищем войны, бормочет:

— Бьются две армии: это кончает самоубийством единая великая армия.

— Не надо бы... — глухим голосом говорит первый в ряду.

Другой возражает:

— Начинается опять Французская революция.

— Берегитесь, монархи! — шепотом возвещает третий.

— Может быть, это последняя война, — прибавляет четвертый.

Молчание. Несколько человек, еще бледные от трагедии бессонной ночи, покачивают головой.

— Прекратить войны! Да разве это мыслимо? Прекратить войны! Язва мира неисцелима!

Кто-то кашляет. И под солнцем пышных лугов, где лоснятся гладкие коровы, опять воцаряется великая тишина; черные леса, и зеленые поля, и голубые дали застилают видение и гасят отсвет огня, от которого загорается и рушится старый мир. В бесконечной тишине замирает гул ненависти и страдания черной вселенной. Собеседники, один за другим, опять уходят в себя, озабоченные тайной своих легких и спасением своего тела.

Но когда в долину нисходит вечер, на вершинах Монблана разражается гроза.

В такие опасные вечера выходить запрещается; даже до большой веранды в гавань, куда укрылись больные, — долетают последние волны ветра.

Пожираемые внутренней язвой, смертельно раненные люди созерцают переворот стихий; от ударов грома над горами приподнимаются тучи, расстилавшиеся, как море, и с каждым ударом в сумраке словно вздымается огненный и дымный столп; бледные, изможденные зрители следят за орлами, кружащими в небе и взирающими на землю сквозь клубы туманов.

— Прекратить войны! Прекратить грозу!

Но, достигнув грани живого мира, освободившись от страстей и пристрастий, от приобретенных понятий, от власти традиций, прозрев, умирающие сознают простоту бытия и видят великие возможности.

Последний в ряду восклицает:

— Внизу что-то ползет!

— Да... что-то живое.

— Как будто растения...

— Как будто люди.

И вот в зловещих отсветах грозы, под черными взлохмаченными тучами, тяжело нависшими над землей, как злые ангелы, открывается какая-то широкая лиловая равнина. Из недр этой равнины, затопленной грязью и водой, выходят призраки; они цепляются за поверхность почвы, они обезображены, как чудовищные утопленники. Чудится, что это солдаты. Изрезанная длинными параллельными каналами, истекающая потоками, изрытая ямами, полными воды, равнина непомерна, и погибающим нет числа... Но тридцать миллионов рабов, преступно брошенных друг на друга в войну, в эту грязь, поднимают головы, и на их человеческих лицах наконец появляется выражение воли. В руках этих рабов будущее, и ясно, что старый мир обновится только благодаря союзу, который когда-нибудь заключат те, чье число и страдания бесконечны.

II

В земле

Большое бледное небо переполнено раскатами грома: при каждом взрыве, от ударов рыжей молнии, одновременно взвивается огненный столп в уходящую ночь и дымный столп в бледный рассвет.

Там, высоко-высоко, далеко-далеко, кольцом взлетает стая страшных, мощно и прерывисто дышащих птиц; они глядят на землю; их слышно, но не видно.

Земля! При свете медлительной, безысходной зари открывается огромная, залитая водой пустыня. В лужах и воронках по воде пробегает рябь от колючего предутреннего ветерка; на этих полях бесплодия, изрезанных рытвинами, в скудном мерцании поблескивают, как стальные рельсы, колеи дорог, проложенных ногами солдат и ночными обозами; из грязи торчат сломанные кольца, вывихнутые рогатки, перекрещенные наподобие буквы Х; спутанные, скрученные мотки, целые заросли проволоки. Везде илистые отмели и лужи; словно непомерная, серая, кое-где затонувшая холстина колыхается на море. Дождь перестал, но все мокро, влажно, вымыто, вымокло, затоплено, и даже белесый свет как будто течет.

Обозначаются длинные извилистые рвы, где сгущается осадок ночи. Это окопы. Дно устлано слоем грязи, от которой при каждом движении приходится с хлопаньем оттирать ноги; вокруг каждого убежища скверно пахнет мочой. Если наклониться к боковым норам, они тоже смердят, как зловонные рты.

Из этих горизонтальных колодцев вылезают тени; движутся чудовищными бесформенными громадами, словно какие-то медведи топчутся и рычат. Это мы.

Мы закутаны, как жители арктических стран. Шерсть, брезент, одеяла обволакивают нас, странно округляют, торчат и высятся над нами. Кое-кто потягивается, зевает во весь рот. Различаешь лица, красные или лиловатые, испещренные грязью, заросшие нестриженными бородами, запачканные небритой щетиной; словно светом ночников, они чуть озарены слипшимися, заспанными глазами.

Трах! Тах! Тах! Ббац! Ружейные выстрелы, канонада. Над нами везде треск или грохот — продолжительные

раскаты или отдельные удары. Черная огненная гроза не стихает никогда, никогда. Уже больше пятнадцати месяцев, уже пятьсот дней в этом уголке мира перестрелка и бомбардировка идут непрерывно: с утра до вечера и с вечера до утра. Мы погребены в недрах поля вечной битвы; но словно тиканье домашних часов в былые времена — в почти легендарном прошлом, — этот грохот слышишь, только когда прислушаешься.

Из-под земли показывается пухлая детская мордочка с воспаленными веками, с такими красными скулами, точно на них наклеили ромбы из красной бумаги; открывается один глаз, оба глаза; это — Паради. Его щеки испещрены полосами: это отпечатались складки парусины, под которой он спал, укрывшись с головой.

Он обводит нас взглядом своих маленьких глазок, замечает меня, кивает головой и говорит:

— Ну вот, прошла еще одна ночь!

— Да, а сколько нам еще предстоит таких ночей?

Он воздевает к небу пухлые руки. С трудом он извлек себя из землянки, и вот он уже рядом со мной. Он споткнулся о какую-то кучу; она оказалась человеком, который сидит в полутьме на земле, остервенело чешется и тяжело вздыхает. Паради уходит, шлепая по лужам, ковьяля, как пингвин, среди потопа.

* * *

Мало-помалу из недр земли вылезают люди. В углах сгущается тень; эти человеческие тучи приходят в движение, дробятся... Их узнаешь всех, одного за другим.

Вот появляется человек; голова у него закутана в одеяло, словно в капюшон. Дикарь, или, верней, палатка дикаря! Раскачивается справа налево и перемещается. Вблизи, в плотной оправе вязаной шерсти, можно различить квадратное желтое, йодистое лицо в черноватых пятнах: переломанный нос, раскосые